

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.)

В завершении остановлюсь на дальнейшей судьбе медно-серного комбината, вплоть до наших дней.

В одном из экономических сборников (*Экономическая жизнь СССР: 1917-1950 гг. Т.1. – М., 1967. С.310*) находим:

«4 февраля 1939 года. Выданы первые тонны черновой меди медно-серным комбинатом в г. Медногорске (Оренбургская обл.). Начало строительства комбината – 1934 г. (данные предприятия)».

Однако это событие предварял ряд тяжёлых неудач, что, например, явствует из архивных материалов, использованных В.Альтовым в его книге:

«В конце января 1938 года попытались задуть печь. Но её заморозили, сказавшись неопытностью. Сколько сил и времени потребовалось, чтобы выломать так называемого «козла». Неудачей закончилась и вторая попытка, но с третьей – плавка пошла по заданному режиму... (Альтов В.Г. *Медногорск. Челябинск, 1989. С.81*)».

Политика уничтожения властями опытных, с многолетней практикой специалистов привела к колоссальному урону для страны накануне войны, сдвинув сроки получения важнейших стратегических материалов и сырья (медь, сера и др.) на несколько лет.

Из печати конца 70-х годов: «9 апреля 1939 г. Всесоюзное радио передало сообщение о преобразовании посёлка разъезда Медного (бывший 10-й разъезд им. Пятакова – Е.Е.) в город Медногорск». (*Хилько М. Начало биографии // Медногорский рабочий. 1978. 1 июля*).

В статье директора медно-серного комбината того периода М.Хилько «Начало биографии» (там же) совершается краткий прогон по годам, начиная с открытия месторождения и разработки рудника в 1933 году, с обозначением наиболее ответственных этапов строительства, но с пропуском 1937 года.

О военных годах подробностей нет. Сказано, что «в июле 1950 года вводятся в работу ещё несколько печей металлургического цеха и 2-я очередь химического цеха. 2 сентября – ввод брикетной фабрики. 1954 г. – работы по совершенствованию технологического процесса, комплексное использование сырья. С 1939 по 1968 годы комплексность увеличилась в 2 раза.

С 1954 года Блявинский рудник одним из первых перешёл на добычу руды с подземного на открытый карьерный способ.

В 1959 г. закончена реконструкция конвертерного участка, и 5 ноября, после длительного перерыва, возобновлён выпуск черновой меди».

Интересно заявление, что «... в 1958 г. комбинат из плано-убыточных вышел в рентабельные».

«В 1961 г., 28 окт., в канун XXII съезда КПСС, включена в работу 1-я очередь серноокислотного цеха, работающего на отходящих газах металлургического производства. 4 апр. (62 г.) – 2-я очередь».

Возникает вопрос: ещё в 1934-35 годах был разработан на строительстве с перспективой на будущее прогрессивный метод плавки руды с использованием специальных установок, работающих на отходящих газах; так почему же эти важнейшие цехи включились в общий плавильный процесс только в 60-е годы? Если, конечно, в докладе идёт речь именно об этом процессе.

Фигурируют и кое-какие цифры:

«За 1968 г. прибыль предприятия – 8914 тью. руб. По сравнению с 1939 годом, выпуск серы увеличился в 10,8 раза, черновой меди – во много раз».

Во сколько раз? Секретные данные? Зато:

«... За долгую и безупречную работу 1655 человек награждены правительственными наградами: 3 человека – орденом Ленина, 1 – орденом Октябрьской революции, 29 человек – орденом Трудового Красного Знамени, 32 – орденом Знак Почёта, 27 – орденом Трудовой Славы III степени, 918 – различными медалями, 2 Героя Соц. Труда... 210 работников награждены знаком «Победитель соц. соревнования 1977 года»».

Заканчивается же этот отчёт-статья пустопорожим заявлением, не отражающим общей картины производства громадного (в ряду с Прибалхашским и Среднеуральским) медеплавильного комбината:

«Партия неоднократно подчёркивала огромное значение встречных планов. В этом году мы взяли на себя обязательство дать сверх плана: 250 т меди, 500 т серы и 200 т серной кислоты... Сегодня видим, что можем дать больше. (Хилько М. *Начало биографии / Медногорский рабочий. 1978. 1 июля*)».

В настоящее время, т.е. в конце 1990-х годов, это предприятие превратилось в АО «ММСК» (Акционерное Общество «Медногорский медно-серный комбинат»). Далее привожу извлечения из материала. Его мне прислала в декабре 1997 года из Медногорска заведующая Музеем истории Медногорского медно-серного комбината Людмила Михайловна Янина, член Союза журналистов России, стремящаяся своими силами восстановить справедливость. Этот материал, использованный в её статьях (*Янина Л. Обречённые на забвение «диверсанты» из «Ормедьзолота» должны жить в благодарной памяти медногорцев // Медногорский рабочий. 1994. 26 ноября – 1 декабря*), касается документов, находящихся в ФСБ Оренбургской обл., с которыми Л.М.Яниной позволено было ознакомиться в 1990-х годах, по следственному делу специалистов-разработчиков Блявинского рудника и медеплавильного комбината, а также рядовых строителей «Ормедьзолота».

Вот несколько цитат из неизвестных ранее допросов, снятых в 1955-56 годах с тех же людей, многие из которых, входя в так называемую «экспертную комиссию», давали ложные показания в 1937 году, обвиняя во «вредительстве» и прочих преступлениях честных работников строительства. Коснусь мест, где речь идёт о моём отце.

Фамилии (некоторых) участников этих допросов называть не стану.

Так, в своей статье, в отрывке «Вывод экспертной комиссии», Л.М. Янина пишет:

«Реабилитации предшествовали дополнительные расследования. Опрошены десятки комбинатовцев. Вызваны на допрос работниками госбезопасности члены экспертной комиссии, той самой, которая занималась в 37-м деятельностью руководства «Ормедьзолота»».

Из протокола допроса от 20 августа 1956 года инженера-технолога П.:

«Экспертная комиссия, созданная в июне 1937 года по инициативе НКВД, состояла из инженерно-технических работников всех отраслей строительства «Ормедьзолота». Каждый член комиссии работал по своей отрасли. Периодически комиссия собиралась на совещания в городском отделе НКВД, которые проводил Медведко. На них докладывались результаты проверки. Комиссия работала около месяца. На основании представленных нами, членами комиссии, материалов, было написано заключение экспертной комиссии... Факты выявленных нами упущений соответствовали действительности. Но выводы экспертная комиссия сделала неправильно, когда в своём заключении о причине срыва пуска медно-серного завода назвала это вредительством. Ни я, ни другие члены экспертной комиссии ничего о вредительской или диверсионной деятельности Кудиша, Евангулова не знали и не могли сделать таких выводов. Я никогда не видел и не отмечал антисоветской пропаганды со стороны Кудиша. Ещё раз заявляю: комиссия не могла сделать таких выводов...».

В.Н.Осиев, 1906 г. рождения, уроженец Ленинграда (бывший директор комбината, во время его работы комбинат был пущен):

«Ряд недостатков и ненормальностей в вопросах энергоснабжения были выявлены. Но допущенные неточности во время монтажа могли стать следствием нежелательной ошибки, недостаточной компетенции. Тем более, что всё оборудование для ЦЭС заказано по импорту».

Из протокола допроса от 25 сентября 1955 года экономиста-плановика ММСК Александра Михайловича Мозгунова:

«Вредительства не замечал. Эксплуатация завода подтверждает прочность всех выполненных работ. Работая в плановом отделе, я не находил никакого вредительства в вопросах планирования, финансирования».

Насколько знаю, при Евангулове основное внимание уделялось строительству промышленных объектов. Но строились и жилые дома, бараки, без которых невозможно вести строительство. Должен сказать, что при Евангулове строительство велось более высокими темпами, чем сейчас...».

Из допроса:

«– Экспертная комиссия определила размер убытка от вредительской деятельности Евангулова и других в размере 305323 тысячи рублей и 280 шведских крон. Что Вы скажете на это? – Нет, такой размер убытка не соответствует дей-

ствительности. Перерасход средств на строительстве был, но он значительно меньше, чем указала экспертная комиссия. Но и этот перерасход средств я не могу назвать вредительством. В строительных организациях часто имеет место перерасход средств. Вот и сейчас «Ормедьстрой» допускает перерасход около 1 млн рублей в год...»

Старая генсмета была утверждена в мае 1936 г. в сумме 202 млн рублей (вместе с Блявинским рудником). Новая генсмета утверждена в сумме 274 млн рублей. В старой генсмете отсутствовал целый ряд необходимых объектов, без которых не только нормальная эксплуатация завода, но даже и пуск его невозможны».

Математическими выкладками А.М. Мозгунов опровергает «помощь» троцкистам за рубежом.

Василий Михайлович Жалкин, техник-геодезист, начальник конструкторского отдела МСК (25 сентября 1955 г.): «Сейчас, после 16-летней эксплуатации завода, видно, что строительные работы беллись качественно».

Иван Фёдорович Сверчков – председатель завкома МСК (2 июня 1956 г.): «Работал на МСК с 1933 года при отделе технического снабжения. Считаю, что строительство шло быстро и никакой подрывной деятельности не велось».

Возвращаюсь к моим попыткам напечатать в 1970-1980 годы очерк об отце.

В одном из ответных писем (в декабре 1985 года) содержался пункт: «Присланные вами материалы представляют интерес для истории горного дела и могут быть помещены в ЦГАНХ СССР».

22 декабря 1986 года 105 документов, касающихся нашей семьи, были переданы по акту мною в ЦГАНХ, фонд – «Коллекция документов деятелей металлургической промышленности и горного дела» № 332, опись № 1, дела № 90-101. (В 1998 от РГАЭ поступило предложение образовать персональный семейный фонд Евангуловых. Для этого необходимо было иметь в фонде не менее 300 единиц хранения, т.е. к имеющимся к этому времени 150 ед. хран. следовало добавить ещё столько же. Передача в архив дополнительных материалов была осуществлена в июне 1998. Теперь это архивный фонд № 806, опись 1, 56 дел (537 документов).

Нежданно-негаданно эта акция имела позитивное продолжение.

К 100-летию рождения моего отца в журнале «Советские архивы» (теперь «Отечественные архивы») с помощью Г.И. Соловьёвой (Соловьёва Галина Ивановна – зав. отделом личных фондов Российского Государственного архива экономики) осуществилась, наконец, публикация на основе маминых воспоминаний «Судьба «врага народа» и его семьи. Из воспоминаний жены горного инженера П.П. Евангулова».

Продолжаются и мои записки, обрастая бесконечными дополнениями.

Приведу здесь выдержки из статьи в газете «Вечерняя Москва». (Вульх А., Гай Д. Тайна дома на Потаповском // Вечерняя Москва. 1989. 20 ноября). Речь в ней идёт о переулке, в котором жила наша семья до 1936 года. Статья поведала, что оставшийся после сноса церкви принадлежавший до революции церковной прислуге дом №16 по Потаповскому пер. «в прошлом году передали под филиал Всероссийского научно-методического центра народного творчества им Н.К. Крупской». При ремонте дома строители наткнулись на человеческие скелеты. «Последующая... судебно-медицинская экспертиза установила: найденным черепам и скелетам около пятидесяти лет!..» Она же сообщила, что некоторые черепа имеют повреждения, травмы нанесены тяжёлыми предметами.

Корреспонденты подытожили: «Дата смерти или гибели людей приходится на середину или конец 30-х годов. Похоронены они голыми, наскоро присыпаны землёй в глухом подвале. Плюс имеющиеся повреждения черепов. Плюс подземный ход (обнаруженный между подвалом дома и неприметным зданием районной вневедомственной охраны, а в 30-е – районного управления НКВД – Е.Е.). Не много ли совпадений? В последнее время строители Москвы стали наткаться на аналогичные некладбищенские захоронения...»

Ещё в декабре 1989 г. я направила в Оренбургский УКГБ запрос о возможности ознакомления с делом моего отца и о получении сведений о месте захоронения жертв казней в Оренбурге. Мне пришёл подробный документ с приложенной маленькой фотографией, с которой смотрят страдальческие папины глаза.

(Продолжение в следующем номере).